

15 июля 2015

Три года назад вышел ее последний фильм — «Вечное возвращение». Последний в прямом смысле слова: Муратова объявила, что больше снимать не будет.

— Кира Георгиевна, как вам живется без кино?

— Плохо. Но нельзя сказать, что жизнь без кино — это со мной впервые. В советское время были довольно долгие периоды, когда я не снимала совсем. Меня увольняли со

студии и прочие гадости делали. Я к этому с ужасом, но привыкла. После того как меня дисквалифицировали на «Одесской киностудии», я сняла на «Ленфильме» картину «Познавая белый свет», но ее постигла та же участь, все заканчивалось теми же поправками, той же борьбой за каждый кусочек. В результате фильм фактически клали на полку. Или делали вид, что выпускают каким-то несуществующим тиражом. А главное — не давали снимать. Так что ощущение «без кино» мне знакомо. Я знала, что будет плохо, но все на свете кончается. Человеку свойственно болеть, стареть, умирать... Никуда не денешься. А профессия режиссера очень тяжелая физически. И у меня больше нет сил на это.

— Кино закончилось, но репутация ваша по-прежнему высока. Кого ни спросишь из критиков о Муратовой, ответ один: «Она великая, она гений».

— Это все-таки в основном у российских критиков. И я знаю почему. Потому что я живу не в России. Когда режиссер не путается в ногах, а живет далеко, его фигура подергивается романтической дымкой и кажется, что где-то в Одессе есть такая хорошая Муратова. Мне в жизни слава никогда не помогала, хотя приятно. По мелочам — да, случалось: какая-нибудь продавщица будет с тобой любезна, иногда на улицах узнают, здороваются. Но я всегда вела замкнутый образ жизни, почти аутичный, несмотря на профессию. Не люблю толкотню, тусовку не перевариваю. И одесситы меня не так часто видят. Говорят: «Ой, вы к нам приехали!» А я здесь живу. «Да что вы!»

— Почти все ваши фильмы сняты в Одессе. Вы прожили здесь больше полувека. Одесса сильно повлияла на вас, на ваше кино?

— Я приехала сюда после ВГИКа по распределению, так это называлось. И стала Одессу анализировать, рассматривать. Я не принадлежу к воспевателям Одессы, я просто старалась ее показать — как можно подробней, как можно более похоже. Все любят свои города, но у одесситов это свойство настолько чрезмерно, настолько преувеличенно, что вызывает раздражение. Они все время говорят, что Одесса — красавица, что таких городов вообще нет на свете и все знаменитые талантливые люди родом из Одессы. Сразу возникает вопрос: а почему же они все уезжают, если Одесса такая замечательная? Помню, мы как-то поехали в Узбекистан, снимали в кишлаке, группа была в основном одесская. И они все время говорили: фу, как здесь грязно, как же грязно! А там беспрерывно подметают, отхожие места находятся бог знает где далеко, ничем не пахнет и вообще очень чисто по сравнению с одесскими подъездами. Одесса грязный город, замусоренный, неухоженный. И безвкусный, я бы сказала. Здесь любят юмор и музыку, а кино совершенно не понимают. Но знаменитостей они обожают.

Встретят тебя на улице: «Вы наш режиссер! Мы так вас любим! — Вы хоть один фильм мой смотрели? — Нет». Я им нравлюсь как что-то, что прославляет их город, и все. Меня это бесит.

— Но вы же все-таки любите Одессу?! Или нет?

— Как больной любит свою болезнь, а узник свою тюрьму. Когда я возвращалась из Ленинграда, где снимала фильм, я ехала в такси и думала: «Одессочка, родненькая, грязненькая!» Вот так я ее люблю.

— Год назад здесь пролилась кровь. Это как-то изменило жизнь города?

— Нет, не замечаю, чтобы Одесса изменилась. Все напугались и немного притихли, присмирели. Но не стали воинственнее, просто поняли, что может плохо закончиться. Мне трудно говорить об этом. Я настолько глубокий пацифист, что все события последние меня очень ранят. Мне отвратительно, когда убивают. Даже война за свою территорию — это все равно ведь убийство. Мне очень нравился Майдан. Там было такое идеалистическое состояние огромных масс людей, главное в нем было прекрасным, потому что мирным и, я бы сказала, идеалистически поэтическим. А потом, как бывает со всякой революцией, обязательно начинаются гильотины или что-нибудь в таком роде. И все сразу становится обычным, человеческим. В данном случае войной. В юриспруденции есть два вида убийства: преднамеренное и в состоянии аффекта. Так вот, война — это преднамеренное убийство.

— У вас никогда не было мысли снять антивоенный фильм?

— Мне кажется, это так просто, так понятно — не убий. Что тут еще снимать? И я не верю, что это повлияет на что-то. Искусство вообще мало влияет. Немножко, иногда, где-то, чуть-чуть. А не так, что снимешь антивоенный фильм, и сразу же война прекратится. На Украине сейчас непрерывно показывают военную хронику. Разве из нее непонятно? Ну, можно какие-то размышления на тему войны снимать, почему нет. Но мне это, наверное, не дано. Я вообще не хочу снимать, а вы говорите, чтоб я сняла антивоенный фильм.

— Из кино, которое сейчас появляется, вам что-то кажется близким? Есть такое чувство: если бы я снимала, то сняла бы так?

— Из последнего, что видела, мне очень понравился фильм Слабошпицкого «Племя». Всем советую посмотреть. Лозница нравится, все его документальные фильмы. Я всегда любила Сокурова, Овчарова, которого как-то забыли сейчас, мне кажется. Я всеядна, нет такого, чтобы я что-то не принимала, меня можно захватить чем угодно. Это ведь эмоциональное дело. Смотришь на экране парад. Вот идут в ногу и поют вместе. Возникает ритм. И у тебя, независимо ни от чего, к горлу подкатывает ком. Думаешь: что такое? Оказывается, это захватывает. Я многое ценю из чужого, но самой мне так не хочется. Зачем? Ведь все уже сделано. Это как с литературой. Чем лучше книга, тем меньше мне по ней хочется что-то снять. Она этого просто не требует. Мне нужно наоборот, чтобы там были какие-то изъяны, незаконченность, чтобы я это доделала, изменила.

— Интересно, какое кино сняла бы Муратова здесь и сейчас — на Украине летом 2015-го. Ведь фильмы не берутся ниоткуда. Это всегда слепок с места и времени.

— Не всегда. Если говорить обо мне, о моем кино, то я люблю, чтобы было конкретное и одновременно обобщенное. Вечное, но в конкретных одеждах. И чтобы что-то было над этим, какое-то парение вечное. Когда удастся это объединить, сочетать, тогда я собой довольна. Про «Астенический синдром» говорили, что это диагноз своему времени, а я считаю, что это диагноз человечеству, всему и всегда. Просто на тот момент он выглядел так. Посмотрите фильм Ханеке «Любовь». Это про сейчас? Нет, про всегда. Я не понимаю, что такое сейчас. Наверно, дело в том, что я не верю в прогресс, вообще. Какая разница — пунические войны или сейчас? Какая разница — Нерон или сейчас? Да никакой. Есть люди, которые в прогресс верят, они мне симпатичны. Мне кажется, Лозница именно такой человек, он в это верит. И он еще к тому же очень талантлив. Но говорить, что сейчас нужно именно это, а потом будет нужно то — что за чепуха! Это к тому же разговору, что как это Германия, где Бетховен и Гете, как она могла... А вот так! Потому что люди одинаковы всегда и везде. И в плохом и в хорошем. В главном. Меняются только внешние вещи. Раньше нельзя было целоваться на улице, а сейчас можно. Раньше пытки были более изощренные, а сейчас менее. Но всегда целовались и всегда пытались, всегда.

— Я знаю, что вас за вашу пацифистскую позицию многие упрекают. Говорят, что вы над схваткой. Как вы на это отвечаете?

— Нет, я не над схваткой, я принимаю сторону Украины. Мне не нравится, что она воюет, но я не знаю, как можно из этого выйти — в тех стандартах, в которых живет человечество: «Надо защищать свою территорию, надо бороться!» Но никакая территория не стоит того, чтобы за нее убивать, даже если эту территорию называют родиной. Человечество очень любит воевать, оно усматривает в этом героизм, тех, кто не хочет воевать, оно осуждает. Но таких, к сожалению, очень мало. Мало пацифистов. Кому-то все равно, а кому-то кажется — ну, а как иначе. Многие просто не верят, что мир без войны возможен. Зачем трепыхаться, если ничего не изменишь.

Источник: novayagazeta.ru